

КИСЛОТА

V L A D V E R O N A

Vlad Verona

Кислота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615978

ISBN 9785448359248

Аннотация

Без рисунков, без фото, без графических интерпретаций. Как нет и музыки, проводящей параллели содержимого. Гранж души. Вечное гаражное эхо одиночества и пустых улиц. Шепот деревьев и гитарный перегруз дурного состояния. Беззвучное, немое, откровенное. То, что скрывается глубоко внутри, но приходит только в особые, нагие минуты под чашку горячего портвейна. Минимум страниц – максимум овердрайв. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

I: С конца	5
я начинаю свой отсчет	6
гаражи	7
следж	9
по проспекту	11
невермайнд	13
на дне	15
улики	16
запрети меня	17
молчать	19
хеннеси	21
пульс	23
горели города	24
null pozitiv	26
плен	28
сода	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Кислота

Vlad Verona

*For every dream that is left behind me
I take a bow
With every war that will rage inside me
I hear the sound*

Katatonia «The fall of hearts»

Оформление: Vladiana Destiny

© Vlad Verona, 2023

ISBN 978-5-4483-5924-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I: С конца

я начинаю свой отсчет

Я начинаю свой отсчет,
Когда мой город в желтом свете
Под рокот скоротечных поездов
Колышет кроны в полусонном лете.
И мир становится один —
Невидим, невредим и светел.
И тишину запутанных дворов
Скрывает метеор сгоревших пепел.
Никто не подымает на лету
Рутину сплетен автострад и пассажиров,
Я волен, ветер, – вот моя душа,
В раскатах осени и мыслей лабиринтов.
И вот я вышел, вот я на виду
Нагих антенн пятиэтажек и строений,
Девиз с билбордов, нагоняющих тоску
И ночи, гордо бросившей мне жребий...

гаражи

За ржавыми гаражами
Ветры брали свое начало.
Рихтер спал, дома танцевали от тряски —
Все казалось таким неважным.
Наш оранжевый май
В катарсисе и полиэтиленовых брызгах.
Разбрасало по телу мысли —
Нас беззаботно кидало в бризе.
На сломанных детских площадках.
Время все разрушает,
Я знаю, ты знаешь, но все же...
От дозы спиртного по парку шатает.
Неповторимые мысли – птицы.
Лукавые, жадные, невероятные.
В воздухе тысяча двести запахов,
Воздух пропитан дождем и закатами.
Не разводи костры – не мосты.
У края обочины стлевшие ночи.
Ты улыбнись обо мне обязательно,
Вспонтанно самовозгорая сознательно.
И на допустимо предельной скорости
Жадно впивайся губами в небо.
Всепоглощающее чувство весны

Дозами света где бы я не был.

Ночь, оголившая провода

Невероятная, резкая, встречная.

Пара глотков за тебя и меня,

Пара минут, протяженностью в вечность..

следж

Зарывался ветер,
Брались накрест руки.
Угасали звезды,
Пересохло в горле.
Целовались в парке,
Всюду были люди.
От холодной «колы»
Заходило в зубы.
Стыли-остывали,
Вроде как и было —
Провода гудели,
Алкоголя мало.
Тихо в подворотнях,
Не шумят соседи.
Под бесшовным небом
Сигареты тлели.
Помнишь, убивался? —
Ты брала и грела.
Шарф колючий помню,
«Готик-стайл» помада.
Мы пинали камни,
Вдаль плелись, болтали.
Днепр – те же Сочи

После часа ночи.
Пять утра. В маршрутках
Солнце уезжает.
Нарисуй мне город,
Что всегда скучает.
Спало королевство
Где-то по подвалам.
Все пройдет, мой мальчик,
А потом сначала...
Если ты замерзнешь,
Я укурю пледом.
Только наши губы
Под нейтральным небом...

по проспекту

По проспекту переименованному
Протяженному и бескрайне одинокому
Я пинал слова и мысли, что врывались в мою голову
Я стирал эмоции, этанолом обогащённые.
Повторял, но не мантры, матами
Предложения бессвязные и непонятные.
Натыкался на фото смятое,
Спотыкался в поступках часто я.
Так стиралась весна отрешенная,
Чёрно-белая и непрощенная.
Не сбежать от себя ни паромом, ни поездом
И, увы, не в Шато де Шамбор мой дом.
Но я люблю этот город ненавистью
И плачу за любовь своей преданностью.
Тянут вглубь магистрали свои кресты
И жуёт отражение вода Луны.
По бетонным вокзалам в ночном такси,
По дворам коммунара срывать цветы.
В многослойных хрущевках нечёсанных —
Шугаркалт, Курвуазье и Лос Анджелес.
В облака вертикально растут дома,
Новостроек туманом скрывает дым.
Но я рад, что мне виден твой океан

Через окна последнего этажа...

невермайнд

Мы провалились в август виноградных снов
И поезда летели мимо нас навстречу ветру.
Заветных слов рубцы раздетых облаков
Плескали по волнам секреты, пойманные в сетку.

Бездонные мечты сбивались под ногами в пыль
И мы шептались письмами и радиопомехами в эфире.
Десятки тысяч миль в остывшем эмоциональном мире
Сплетали наши руки из последних сил.

Я верю, есть ещё слова, которых не произносили мы —
Швы несложившихся надежд и красных маков.
Оставь их на изрезанной листве
Под слоем ретуши и звуков невермайнда.

Соленые моря, осевших на мель городов —
Черновики всего, что между нами было.
Топило эхо в стенах однокомнатных квартир
Распятого Иуду – гаммы перегруженного риффа.

Мы этой ночью превратимся в тень
Король метафор и принцесса школьной вечеринки.
Пусть достается этот город разочарований тем

Кто строил его стены в липкой паутине легкомыслей...

на дне

Не проси рассказать, что так важно сейчас для меня —
В городах, переживших дожди льются медленно ночи.
В них открыты порталы, в которые прячутся сны,
Поцелуи и мантры, огней золотых ожерелья.

Согревай мое тело, когда мы вдвоем
На последнем трамвае от города прячем секреты,
В них цветы и мечта, о которой не знает никто
И слова для нее из любимой заученной песни.

Мы проснемся с тобой и босыми пойдем по проспекту
Сосчитаем всех птиц и границы сотрем берегов.
Ты нальешь в чашку кофе ипустишь улыбку по ветру,
Он смешает колоры высоток и тихих холмов.

И опустится мир, что стоял целый день на коленях
Перед взглядом квартир и нейлоновых черных зонтов.
Только ты не спеши, сделай вдох,
Насладись этим призрачным мигом —
Он один.
В этом месте и в этом слиянии стрелок часов...

улики

Ты с каждым выдохом дальше,
А я по вертикали на стены.
Выбиваюсь из сил, подобно болезни
В попытках удержать контроль,
Утрачиваю нервы...
Дисперсионная омега или альфа, —
Подопытная осень, заменившая мне дом.
И нихрена не лечит это время —
Улыбчивая сука с ангельским лицом.
Аттракционы перегруза и утех,
Сплошные полосы двойных и сигарет,
Твои открытки с пожеланиями лучшей жизни
Уликами пылятся на моем столе.
И я считаю звезды в комнатах без окон
В полотнах горечи и урожая шардоне.
Веди меня тропой по руслу золотых воспоминаний
Не поддаваясь страхам, что живут со мной во тьме.

запрети меня

Запрети меня как самое скверное,
Нелепое, ложное, неестественное.
Как слишком доступное и порочное,
Как самое глупое, избалованное.
Запрети меня как только умеешь,
Силой, резким словом или действием.
Отталкивающим животным запахом,
Инстинктом без самосохранения.
Запрети, я не буду против,
Я поддаюсь на твои унижения.
Прелюдно в сортире на грязном кафеле
Разблокируй во мне моё эrogenное.
Я знаю ты сможешь. И никак иначе.
Однажды ты отнял меня половину.
Мою бессильную сторону, слабую,
Которая на плече твоём рыдала искренне.
Запрети меня, чтобы скрыть тобой Солнце,
Мне по праву не принадлежащее.
Оставь лишь тень от твоих крыльев
И взгляд, на который смотрю моляще.
Запрети меня бездонную, мокрую,
Эгоцентричную, кровожадную.
В которой нет клеток добрасодержащих

И мыслей, тобой изнутри не задетых.

Запрети меня, ибо все еще дорог.

Я готова исчезнуть в тебе, всё прощаю.

И запри в своем сердце мою половину вторую

Как и ту, что однажды во мне запретил ты.

МОЛЧАТЬ

Так хочется молчать и тишиной окутывая темноту,
Смотреть под занавес летящих листьев на закрытые бал-
коны.

С перил которых иногда то там, то тут,
Опёршись на предплечье вечерами застывают люди.

Их полусонные натуры
Словно контуры застывших восковых фигур,
Присыпанные пеплом обесточенного снега.
Их возвращает к жизни шелест платьев мон амур,
И свежий аромат, кому-то в полночь приготовленного ко-
фе.

Спешат дожди, стремительно пронзая наши лица,
Смывая запах незаконных поцелуев и духов.
Никто не помнит, может это все и вправду нами снит-
ся... —

Сомнительная радость иллюзорных городов.

Уснул огонь квартир и звуки стали на порядок тише,
И тембр вытоптаных улиц снизил в одиночестве нулей.
Под потускневшим небом осень кажется мне ближе —
Моя бездомная любовь от края теплоты до верхних эта-

жей...

хеннесси

Хочешь молча уйти? – Проваливай.
Хлопни дверью, как ты умеешь, с размаху.
Мычи под нос себе что-то невнятное,
Типа, «сучара» в перемешку с бухлом и мятою.
Или развернись и ударь как «мужик»,
Языком вытирая бешенство от удовольствия.
Ты же мачо..пффф.. а как же... так привык,
Удовлетворись же в потребе. Давай, не скромся.
Кто ты там? Ник Кейв или уже весь Бэд Сидс?
Джеймс Хетфилд, Кобзон или Джастин Хуибер?:
Напыщенный такой, стоишь, наодеколоненный...
Или будешь так и дальше стоять,
Повадками своими с меня кожу сдирая?
Ждать мою слабину, мой «исподтишок»,
Каждый день по чуть-чуть донимая.
Да?... что там еще, что забыл?
Сказать мне в лицо, что был не прав и чтоб я все прости-
ла?

Расстроенный в глазах, на две доли секунды почти что чужой,

[Представила] Не мой, почти – [жаба, слегка, задавила].
А лучше ори на меня, как безумный,
Гусар буховый с шального коня.

Яложь меня рукою немытой, лапай, унижай,
словами едкими в душу плюй, действуй; Срывайся на мне,
как дальнобойщик на дешевой проститутке, ахах..
бей слегонца по губам, по заднице; Может, мне еще
даже понравится; и чтоб ты думал потом, что я
во все это и вправду поверю, что я дрянь и ничтожество,
что вот так и буду всю жизнь, полы мыть и рыдать за то-
бой,

красавчиком и ненаглядным; жалеть буду там... ахах,
убиваться; сопьюсь с бабами на работе или замкнусь...

а вообще, знаешь что, та мне похуй на тебя, милый.

А ты молча слушал сидел, не проронив ни слова
Истерики все мои и тысячи тонн претензий.

Я, как обычно, хотела свалить на тебя все, но ты взял
и ушел.

Был еще снег потом, но меня без тебя накрыло...

пульс

Под эклектичными руками-облаками,
Вскрывал мне ветер грудь и наполнял душой.
В газетах прятал скомканное время и горел часами,
И пепел оседал словами на неподвижный город,
преданный тобой.

Простыл однажды наш бесшовный эйприл,
Электроимпульсы и чувства превратились в сток.
Куда-то убегали сны и прятались от нас
в пуховых одеялах —
Плаксивое стремительное нечто каменных громил.

Мы те, кто никогда друг друга не простили,
Мы те, в ком рос с рожденья Мейсонье и аль-Беши.
Искусственная осень,
искусственно придуманного мира,
На красных площадях под звуки вечной тишины.

Застыли наши лица и бенгальские ракеты,
Пронзающие спалахом сердца
Упали брызгами из стекол и стихов...
На берегу соленого безжизненного моря —
Песочный замок, из невысказанных между нами слов.

горели города

Мы догорели, словно города,
Нажав на кнопку опустились на колени.
Слились в потоках слез и сожалений,
И вытерли из памяти людей,
которые хранили наши имена.
Нам было не под силу уберечь
Тепло, которое хранили в своём теле.
И вместо сердца возводили храмы пустоты —
Пустые залы, рухнувшей Помпеи.
Истлевшие обрывки падающих слов,
Ложились листьями на плечи и ладони.
Я разделен на клетки.
И в попытках воссоздать любовь,
Лишь получал тебя, на тысячах листах сопротивлений.
Мы не умели — значит не смогли,
Шли параллельно друг от друга и в душе болели.
Чернильные синдромы черных нот втирались в сны,
Сбивали такт и всячески мешали.
Размыты берега и мы отброшены назад,
За километры волн и слитых воедино горизонтов.
Остановись, мы на секунды сможем сделать шаг
И вместе наблюдать рассвет,
В нейтралитетно отведенной зоне.

Горели города и мы смотрели вдаль,
Мешая пыль с остатками воспоминаний.
Начни с нуля все то,
что так хотелось, но однажды не смогла.
Начни сначала. Снова. Только не забудь меня...

null positive

Внутреннее одиночество,
Прыжки глазами по телу.
Сгораю от голода, слышишь?
Лето в разгаре нервного срыва.
Этот голод – не голоса улиц —
Эхо, протяженностью в вечность.
Ты во мне, я в тебе – это нужно,
Так мы есть против целого мира.
Мир не ждал и катился как раньше
То ли к черту, а то ли от страха.
Ты не верь в скорость стрелок часов,
Ведь для нас не придумано время.
Ты одна, кого я здесь хочу
Среди тысяч бескрайнего множества.
В отрешенных текстурах дождя
Безfamильно, без имени\отчества.
Много было сожженных стихов
Из обрывистых фраз и мгновений.
Вскрыты вены нагих городов —
Линии судеб и предубеждений.
Липнет вечер и дым сигарет
Громкость вверх, вновь превышен лимит.
Пока нас не увидят – нас нет

Пока внутренний демон не спит.
Снова кроет от кофе и льда,
Дышим ровно – так август горит.
Одна пара «ушей» на двоих
Это нуль позитив, ты права.

ПЛЕН

Плени меня, как ты сплетаешь над обрывом рукава
Своих, по-зимнему, молочных рек ладоней
И развевают платье облака
В шелках неоновых застенчивого лета.

Плени меня, я также буду на краю
Ловить твоих прекрасных глаз молчанье,
Как ветер подымать, тобой примятую траву
И целовать твои носочки ног горячими губами
первого свиданья.

Плени меня. Твой плен – это мое спасенье,
Невидимая грань огня и первого прыжка...
Я открываю в ночь свои незапертые окна —
Я ненавижу ждать, но я все также жду тебя...

сода

Стираются бесследно в темноте,
Спадающие с неба капли лимонада.
На вкус не то вода, не то остатки променада,
Не то безвкусица, не то оскома в животе.
Отравленные листья сохнут на песке
Под выгоревшим небом ретрограда.
Иерихона пепел жадно оседал на снег
И не давал надежд на бег из мысленного ада.
Плевался ветер, не жалея взмахов по щеке
И я просил сильнее, чтоб успеть проснуться.
Меня спасают только мысли о тебе —
Откроем зонт, дадим телам друг к другу прикоснуться.
Возможно, я тебя ещё найду
В чертах далёкого, мной не изученного брода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.